

Каждое государство в меру своих возможностей старается снабжать свои военные силы передовыми видами вооружения. В том, что в Хазарском государстве было развито кузнечное дело, сомневаться не приходится (Михеев, 1985). Однако в материалах могильников, содержащих погребения по обряду кремации, встречаются типы оружия, которые в других памятниках салтово-маяцкой культуры не известны. Можно предположить, что некоторые из них (кинжалы, несколько разновидностей наконечников стрел, копий) ковали кузнецы этого “пришлого” воинственного этноса, чтобы обеспечить более эффективную борьбу с внешними и внутренними врагами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В.С.* К вопросу об этнической принадлежности погребений по обряду кремации салтовской культуры // Матер. Міждунар. археолог. конф. “Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранне середньовіччя)”. Дніпропетровськ, 1999.
- Амброз А.К.* Кинжалы VI–VIII вв. с двумя выступами на ножнах // СА. 1986. № 4.
- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003 (Археология).
- Евтюхова Л.А.* Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л., 1966 (САИ; Е1-36).
- Кочкаров У.Ю.* Боевые топоры Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. // Средневековая археология евразийских степей. Сб. статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола, 2006.
- Крыганов А.В.* Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупосожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.
- Кухаренко Е.И.* О некоторых археологических находках на Харьковщине // КСИИМК. 1951. Вып. 41.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура в Южной Сибири X–XIV вв. М., 1983 (САИ; Е3-18).
- Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могильников В.А.* Кочевники Северо-Западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2001.
- Носкова Л.М.* Средневековые погребения Ново-Вочепшійского могильника // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Носкова Л.М.* К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М., 2002.
- Плетнева С.А.* Хазары. М., 1986.
- Пьянков А.В.* Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья Салтовского времени: опыт сопоставления // Древности Юга России. М., 2008.
- Саханев В.В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг., 1914.
- Тарабанов В.А.* Отчет об исследованиях археологических памятников в районе Гатлукаевского городища № 2 в Теучежском районе Адыгейской автономной области Краснодарского края (зона Краснодарского водохранилища) в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11610 а-г.
- Тарабанов В.А.* Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдованское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14147–14150.
- Худяков Ю.С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

ПОЛИВНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ В МОНАШЕСКОМ ПОГРЕБЕНИИ МОСКОВСКОГО СРЕТЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

© 2010 г. С. И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник

В 1996 г. сотрудником ГИМ Дм. Журавлевым в Московский государственный объединенный музей-заповедник были переданы фрагменты поливных керамических плит, собранные им на месте работ по восстановлению придела св. Иоанна Предтечи (разрушен в 1930–1940-х годах) Владимирского собора Спасского монастыря в Москве. Согласно его объяснениям, при устройстве фундамента придела было обнаружено погребение монаха, совершенное на выстилке из керамических поливных плиток. Погребение располагалось примерно против южного входа в собор. Края могильной ямы не зафиксированы,

но глубина от современной поверхности отмечена (1.5–1.8 м). Пластины лежали горизонтально и были уложены намеренно, с целью создать род ложа для погребенного. Останки были в плохом состоянии, череп совершенно разрушен, но скелет ранее не был потревожен, и его абрис читался полностью. Погребенный был идентифицирован как монах на основании обнаруженного на костяке фрагмента епитрахили и монашеского кожаного креста, к которому крепился параман. Судя по приложенному к объяснительной записке Дм. Журавлева рисунку, плиты лежали рядами.

Передано шесть фрагментов от не более чем пяти изделий: инв. № 17578/1–6, 8680–8685 (рисунок). Это весьма массивные керамические плиты толщиной около 5 см и шириной 33,0–33,5 см (полная длина не восстанавливается, но она несомненно не менее ширины; максимальная сохранность 27 см). По краю с трех известных нам сторон идет бортик шириной 4,5–5 см, высотой около 2 см, отлого спускающийся к центральной части плиты, где образуется корытце (“ковчег”). Верх плиты определяет сквозное отверстие для гвоздя, проколотое до обжига в середине одного из бортиков (зафиксировано на трех плитках). С обратной от ковчега стороны плиты совершенно ровные, с отпечатками дерева от формы, но с одного края плиты (в одном случае вдоль длинной стороны навывлет, в другом – вдоль двух смежных сторон) еще до обжига ножом выбрана четверть сечением $3,7 \times 2$ см, вероятно, для укладки плит внахлест. На некоторых плитках остались следы раствора с обеих сторон – возможно, фрагменты использовались вторично в кладке.

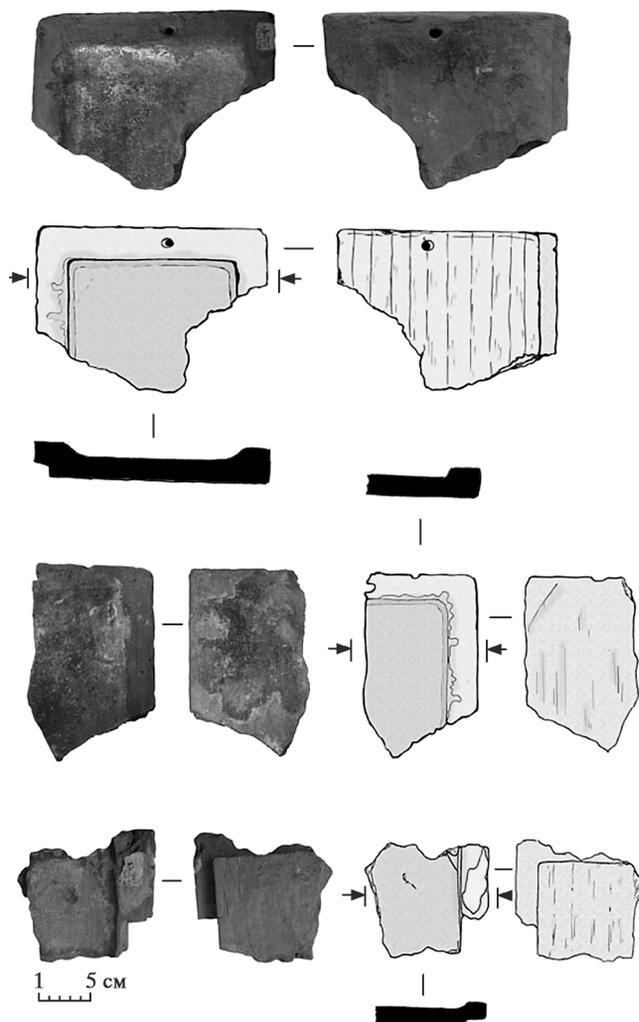
Керамическое тесто красножгущееся, довольно грубое, промес от хорошего до среднего; обжиг в основном недостаточный (края ярко-красные, но внутренняя часть темно-серая или черная). В одном случае на торцевых кромках сохранился хороший светло-кремовый ангоб – возможно, он покрывал всю наружную сторону изделий под глазурью. Глазурь, однако, положена только в пределах ковчега – на ряде фрагментов бортика отчетливо видны пятна расплава, случайно попавшие сюда из ковчега. Цвет поливы зеленый, холодный (бирюзовый).

Как известно, с историей Сретенского монастыря связано много проблем церковной топографии Москвы (Беляев, 1996. С. 303–321), в том числе – вопрос о времени возведения не сохранившихся до наших дней храмов, датированных не позже середины XVI в.: ц. Марии Египетской, Никольская трапезная церковь с приделом Сретения (Подъяпольский, 2000. С. 47–61). Предполагается, что здесь стояла и построенная псковскими мастерами в 1480-х годах каменная ц. Сретения. Возможно, необычные поливные черепицы (керамиды) окажутся связаны с псковской школой, где зеленая поливная керамика использовалась достаточно широко в XV–XVI вв., если не ранее. Необычно большой размер, близкие квадрату пропорции и лотковый тип, действительно, могли бы говорить о конце XV – начале XVI в.

Однако другие признаки в хронологии московских строительных материалов делают гораздо более вероятным конец XVII в.: именно тогда распространяется черепица с закраинами для боковой стыковки, и плотная, “тяжелая” бирюзовая глазурь характерна для второй половины XVII в. Если так, то керамиды вполне можно связать с ныне существующим Владимирским собором (1679 г.) или его приделом.

Не до конца ясны конструкция и функция керамид. Прямых аналогов им в опубликованных сводках черепицы нет, и археологам Москвы они как будто не известны (Хворостова, 2002. С. 204–214). Если перед нами черепица, то ее можно условно отнести к типу лотковой (по наличию бортиков). Важные признаки черепицы – отверстие для гвоздя и уступ для перекрытия внахлест (хотя второй признак в лотковой черепице не встречается, только в плоской или рифленой). Но и другие варианты функций предложить трудно: среди фасадной керамики (облицовка зданий или печей) плитки без румпы встречаются в XVII в., но крайне редко; гвоздями их не крепят и уступов для стыковки у них не оставляют. То же касается половых плиток.

Если представить кровлю, составленную из такой черепицы, то она получится ячеистой (подобной перевернутому кессонированному потолку, и в углублениях неизбежно будет заставаться вода) либо с очень большими перепадами рядов

Три черепицы из Сретенского монастыря (инв. № КП 17578/1, И8680; КП 17578/4, КП 17578/ И8685).

по высоте. Допустимо думать, что продольные швы между бортиками керамид, которые не покрыты глазурью, закрывали перемычки или черепицы-получилинды (калиптеры). Трудно предположить, что верхней стороной служила гладкая поверхность, тогда получится, что глазурована изнанка. Вопрос остается открытым.

Определенный интерес этот материал представляет и с точки зрения изучения монастырского погребального обряда. Конечно, на основе несовершенной фиксации трудно судить, имеем ли мы дело с намеренной выстилкой дна могилы или же с укладкой покойного на ранее существовавший уровень вымостки, остатков древнего пола из вторично использованных керамид или чего-то подобного. Однако обычай брать для устройства монашеских погребений строительные материалы – камень, кирпич, черепицу, даже изразцы (см.: Энговатова, Зеленцова, 2005. С. 83. Рис. 6, 7) – хорошо известен в средневековой археологии. Правда, в Москве и вообще в Древней Руси он фиксировался до сих пор почти исключительно в форме камня-подголовника (ср.: Беляев, 2005. С. 127, 149, 150. Прим. 34), но в восточнохристианском мире встречаются в массовом порядке также обкладки из черепицы и кирпича

самых разных, иногда примитивных форм, в их числе – выстилки.

Если в нашем случае керамида намеренно уложена в погребение, то можно ставить вопрос о смысле такого оформления могилы, но здесь эта сложная проблема разбираться не будет. Как и в случае с кирпичом-подголовником, трудно сказать, что перед нами: бытовая забота о комфорте покойного; следование монашескому уставу (Мусин, 2002. С. 75); акт демонстративной аскезы (Макаров, 1981. С. 113); символическая композиция (Беляев, 2009. С. 19, 20) или все вместе. Так или иначе, это неординарный случай, указывающий, возможно, на знакомство исполнителей ритуала с христианской погребальной практикой Средиземноморья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляев Л.А.* Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
- Беляев Л.А.* Борисоглебский храм: новые исследования (1999–2004 гг.) // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. М., 2005.
- Беляев Л.А.* De archaeologia abrahamica // Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама. М., 2009.
- Макаров Н.А.* Каменные подушки в погребениях древнерусских некрополей // СА. 1981. № 2.
- Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.
- Подъяпольский С.С.* О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // РА. 2000. № 1.
- Хворостова Е.Л.* Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4. Тверь, 2002.
- Энгватова А.В., Зеленцова О.В.* Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья. Вып. 2. М., 2005.